

Вишнёвый сайт

У сквозняка пятёрка по труду,
листает солнце бабочек в саду,
где, растолкав траву, столпились лужи.
Пора, убереги тебя Господь -
пистоны ржавым циркулем колоть,
пить молоко и двигаться упруге.

Неделю сердце скачет, как масай,
открылся и завис вишнёвый сайт,
и выставлена в форточку «спидола»,
чтобы лопух от музыки опух,
вот-вот июнь, и тополиный пух
посыпан молью крупного помола.

Ночной грозы огрызок - ля бемоль,
и хорошо, что гром не ел фасоль,
всё навевает некую истому.
Любимая, мне целоваться лень,

планету вертит цирковой тюлень,
давай, сегодня будем по-другому,

нам с вечера мерещится еда,
лежим, оголены, как провода,
вот случай проявить ещё отвагу -
я твой герой, атилла, муэдзин,
но, если соберёшься в магазин,
обижусь и пожалуюсь в Гаагу.

Бабье лето

Сентябрьский дождь пришёлся ко двору,
где в лужах пузыри от упаковки.
Полковнику не пишет дочка ру,
не шлёт приветы тёща из Каховки.

Глядишь вокруг с улыбкой знатока:
жара, порой, нормальное явление -
стеклянный муравейник кипятка
впивается в зелёные колени -

ну сколько можно пачкаться траве,
где чаша мухомором конопата,
где с кисточками белка в голове
летит в дупло, ручная, как граната.

Скрипя, открылся бархатный сезам -
гребут пловцы с заплывшими глазами
от берега, ударив по газам,
кривляются, как будто их связали.

Задев ногой попутного кита,
на финише подашься в антиподы.
Нить горизонта режет угол рта -
пусть заживает долго, до развода.

Студентка

В троллейбусе доехали не скоро,
она в шершавых стёклах золотых
протаивала пальцами узоры
щекотные, как буквы для слепых.

Бежали через двор, большой и зябкий,
когда из сумки выскользнула вдруг
жестянка леденцов - такая взятка,
чтоб из общаги выкурить подруг.

Обкусывали с варежек ледышки,
мигал на подоконнике уютюг.
Такая вот любовная интрижка,
а не роман какой-нибудь Виктюк.

Ностальгия

Великую империю поправ -
в развале поучаствовал невольно -
по полной оторвался, как рукав,
а счастья нет - но есть покой и «volvo».

Пока свистком размахивает рак,
и лебедь не найдёт свои балетки,
и щука подо льдом тоскует, как
потерянная варежка на ветке,

не выйти из зверинца сразу вон -
дверная накосячила цепочка.
Понравится какой-нибудь смартфон,
подумаешь - прощай, вторая почка,

наверно, проще кинуться с моста,
рискуя на корягу напороться,
но остаются светлые места
от пятновыводителя на солнце,

пока воспринимаешь без помех
отчизны необъятные просторы,
где столько женских тел сосками вверх,
что постоянно тянет в эти горы.

Верхом на ведре

У мороза неправильный прикус,
по периметру ярь самоварная -
через форточку выкусит фикус,
и прощай, хромосома непарная.

Ну а ты, возжелавший покоя,
чуть не стал у подъезда зайкою -
козырёк бит сосулькой пиковой,
за попытку с погодой заигрывать.

Вот и косишься в зеркало странно,
загадав, что под каску наденешь ты -
ты ещё заживёшь, словно рана,
чтоб не плакали ивы и денежки,

чтоб глядеться в размытые лица
разбираясь, кто мыкает горюшко,
или, наоборот - не постится,
размовляется мойвой и корюшкой,

все, короче, кто влезет в охапку,
потерявшие нюх, и здоровые,
обязательно куфайте Кафку,
если кончатся фыфки кедровые.

Первый снег

Приятно размечтаться о весне,
когда в ноздрях мороз, как газировка.
Идёт троллейбус в чеховском пенсне -
болтается шнурок на остановках.

Дверной гармошки пшикающий пресс
попал под дых и вытолкнул любезно.
Вокруг не снег, заправский майонез -
скользишь на полусогнутых к подъезду.

В подвале дома дышит Сырдарья,
чугунный лифт живёт в режиме авто.
По телеку, в шлепках от комарья,
сосут зубную пасту космонавты.

И кажется, сто лет тебе под гимн
прикуривать от газовой горелки,
и клясться, что соседям дорогим,
по-прежнему, свой в доску для разделки.